

УДК 130.2–281.9

ПРАВОСЛАВНОЕ ЕДИНОВЕРИЕ И ЕГО РОЛЬ В РУССКОЙ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

К. М. Товбин

*Южно-Сахалинский институт (филиал) Российского экономического
университета им Г. В. Плеханова*

В статье рассмотрена идейная трансформация единоверия – старообрядного крыла Русской православной церкви, возникшего как компромиссный вариант между старообрядцами и сторонниками реформированной Никоном церкви. Возникнувшее фактически почти сразу после церковного раскола XVII века и юридически оформленное в 1800 г., единоверие представлено как пример трансформации традиционной духовности: от собственно традиционности через фазу рациональной религиозности – в симулятивную фазу. Первая стадия – традиционная – являет собой единоверие как своеобразный ментальный шлюз для перехода носителей «древлего благочестия» в секуляризованную государственную церковь. Вторая ступень – недолгий выход единоверия на конфессиональный уровень, попытка обособления и смены парадигмального курса всей официальной церкви. Третья стадия – современная – попытка превращения единоверия (как участника старообрядческого смыслового поля) в элемент симулятивной духовности Постмодерна. Являясь внутри Русской православной церкви наиболее традиционалистическим и традиционным крылом, единоверие служит индикатором пострелигиозных процессов, затрагивающих в первую очередь наиболее традиционные формы духовности. Таким образом, исследуя историю и трансформацию достаточно однородного в своем семиотическом измерении единоверия, можно получить сведения о сущности пострелигиозных трансформаций, происходящих с православием в целом. Пострелигиозная ментальность имеет место действия в наиболее насыщенных семиотических полях; ситуативное пренебрежение этой насыщенностью со стороны новообрядцев не позволяет им выйти во всей своей полноте из религиозного формата в пострелигиозный. Единоверцы внутри РПЦ, старательно хранящие древние ритуалы и правила, но в то же время лишенные раскольнического осознания своей исключительности, помогают рассмотреть пострелигиозные сдвиги без примеси к ним идеологических и политических факторов.

Ключевые слова: православная церковь; единоверие; старообрядчество; раскол; традиция; еклесиология; кентавризм; субкультура; Постмодерн; симулякр.

Kirill M. Tovbin. THE ORTHODOX EDINOVERIE AND ITS ROLE IN RUSSIAN SECULARIZATION

The article considers ideological transformation of Edinoverie – the Old Rite wing of the Russian Orthodox Church emerged as a compromise between the Old Believers and supporters of Nikon's reformed Church. Originating in fact almost immediately after the schism of the 17th century and formalized in 1800, Edinoverie depicts the transformation of traditional spirituality from its own conventionality through a phase of rational religion

into a simulation phase. In the first traditional stage, Edinoverie occurs as a certain transitional mental gateway of «the ancient piety» to the secular state Church. The second stage comprises a short-term presence of Edinoverie on the confessional level and an attempt to separate and shift the paradigm of the entire official Church. The third modern stage includes an attempt of turning Edinoverie (as a part of the Old Believers' semantic field) into a simulative element of Postmodern spirituality. Being the most conventional and traditional wing in the Russian Orthodox Church, Edinoverie serves as an indicator of post-religious processes affecting primarily the most traditional forms of spirituality. Therefore, when exploring the history and transformation of Edinoverie as a relatively uniform arrangement in its semiotic dimension, it is possible to obtain information on the nature of post-religious transformations dealing with the Orthodox Church as a whole. Post-religious mentality occurs in the most saturated semiotic fields; situational neglect of this saturation by the new-ritualists does not allow them to evolve from the religious format into the post-religious one. Edinoverie in the Russian Orthodox Church carefully keeps the ancient rituals and rules but at the same time it does not possess the schismatic spirit, which allows us to study post-religious shifts without ideological and political impurities.

Key words: Orthodox Church; Edinoverie; Old Believers; schism; tradition; ecclesiology; centaurism; subculture; Postmodern; simulacrum.

Секуляризация и десакрализация в истории России имели свои особенности. Прежде всего, в отличие от Запада, в России было широкое и мощное духовное движение старообрядцев, сопротивлявшихся модернизации и – более того – выработавших эффективные способы выживания в условиях модернизации, пропитавшей всю российскую государственность [Товбин, 2014]. Интеграция старообрядцев в обмирщенную церковь для устранения их как ментальной альтернативы – это было философским измерением экклесиологического процесса формирования единоверческого «отделения» в Русской церкви. Соответственно, изучение обоснований, причин и предпосылок возникновения единоверия раскроет нам секулярное содержание формально клерикальной политики церкви. Изучение истории собственно единоверия, его идеологической и социальной трансформации может быть индикатором действительности и показателем траектории секулярного процесса, дошедшего к нашему времени до своего апогея.

Единоверие – особенное направление в старообрядчестве. Оригинальность и внутренняя идейная трансформация единоверия настолько велики, что и «отделенные» староверы, и православные новообрядцы зачастую отрицают допустимость отнесения единоверцев к смысловому и знаковому полю «старообрядчество». Единоверчество (единоверие, старообрядное направление¹ «официальной» православной церкви) представляет собой совокупность общин, сохраняющих дораскольный литургический, бытовой и мировоззренческий

комплекс, но подчиняющихся иерархам новообрядческой церкви.

1. Единоверие «классическое»

Де-факто единоверие существовало и до 1800 года, в котором оно было официально учреждено. По некоторым сведениям, после раскола некоторые архиереи практиковали в своих епархиях «старый обряд». Было дозволено проводить богослужение по дораскольному чину одному из виднейших деятелей старообрядческого движения – прот. Иоанну Неронову (1591–1670), вернувшемуся с покаянием в патриархальную церковь [Лавров, 2009]. Некоторые архиереи продолжали с разной степенью скрытности поддерживать старый обряд и старообрядцев даже после клятв Собора 1666 года (напр., еп. Александр Вятский). Есть предположение (правда, вызывающее сомнение) и о том, что сам Никон после смещения с патриаршего стола в Кирилло-Белозерском монастыре проводил служения «по-старому» [Тюренков, 2004–2015б], печатал «старообрядные» книги [Кирилл, 2011] и являлся проводником политики биритуализма [Шлеев, 2005а. С. 44]. Разные элементы дораскольной литургической практики осуществлялись в Валаамском монастыре, Зосимовой, Оптиной и Саровской пустынях [Кутузов, 2000]. Кроме того, некоторые местные архиереи в XVIII веке стали позволять в своих епархиях богослужения по «старому чину» (напр., еп. Иларион Астраханский) [Лебедев, 1903. С. 445]. Есть сведения о разрешении старого чина в своей епархии св. Тихоном Задонским, даже без согласования с Синодом [Жмакин, 1900. С. 991].

¹ Современное именование единоверцев.

Начало единоверию в современном виде (как переход от «стеснительных» мер к «увещательным» [Павлова, 2007. С. 14]) было положено в конце XVIII века. Первым деятелем этого поприща был архиепископ Херсонский **Никифор (Феотоки)** (1730–1800) [Феотоки, 2006], опубликовавший в 1780 году «Окружное послание ко всем именующим себя староверами в Славянской и Херсонской епархии обитающим», положившее начало официальному признанию позиции староверов со стороны Греко-Российской Церкви. Этот труд был первым богословским обоснованием единоверия. В своей епархии архиеп. Никифор поставил староверам священников и освятил храмы, в которых проводились богослужения по старому чину.

Следующей вехой была деятельность беглопоповцев, насельников монастыря в Стародубье. Инок **Никодим** (1754–1784) и **Яков Стефанович Беляев** (1751–1792), известные в старообрядческом мире писатели, всю жизнь стремились к выводу староверия из маргинального состояния, не допуская в то же время никакого компромисса в догматической и литургической сторонах. Никодимом были составлены и переданы Екатерине II и в Синод «Статьи», в которых обосновывалась истинность «старого обряда» и содержались просьбы о даровании Греко-Российской Церковью старообрядцам собственного независимого священства [Верховский, 1868. С. 16]. Возможно, именно следствием деятельности Никодима Стародубского было радикальное изменение политики Екатерины II в отношении старообрядцев, покровительство староверческой реэмиграции и хозяйствования, а также давление на Синод с целью снятия анафем с древлеправославия. В 1785 году Екатериной II были опубликованы «Высочайшие постановления», ставшие первой вехой в официальном «признании» староверов государством.

Официально единоверие возникло в 1800 году желанием императора Павла, в домовый церкви которого велись богослужения по дораскольному чину [Карпец, 2004–2015б], и в русле миссионерской политики **митрополита Платона (Левшина)** [Правила..., 2003] и представляло собой компромиссный метод «уврачевания раскола».

С самого начала единоверие выглядело *мировоззренческим кентавром*:

1) Осуществление древнего литургического чина проходило при формальном осуждении этого чина церковью, к которой принадлежали единоверцы (до 1971 года). Проклятия, наложенные Собором 1667 года, снимались,

согласно 1 пункту положения о единоверии: древний обряд переставал быть проклятым при присоединении к Греко-Российской Церкви. Налицо полная каноническая и богословская несостыковка юридических актов разного уровня. Вследствие такого «допущения» единоверцы были православными «второго сорта». Например, единоверцы могли приступать к таинствам у новообрядцев, но новообрядцы у единоверцев-священников – только в случае смертной нужды. Новообрядцы «смотрят на него как на «полураскол», а старообрядцы – как на «полуниконианство»» [Карпец, 2004–2015а].

- 2) Древнерусское православное мировоззрение и традиционно-православная аскетика были сохранены, невзирая на то, что господствующая церковь активно внедряла в себя элементы католической и протестантской духовности (в лице самих императора Павла и митр. Платона) и не позволяла подвергать их сомнениям до конца XIX века.
- 3) Апологетика «старого чина», заявленная староверческими начетчиками, не переходила черты суждений о благодатности таинств «официальной» церкви.
- 4) Проблемно даже именование «единоверцы». Сами единоверцы пользуются им только в идентификационных целях, предпочитая именоваться старообрядцами, староверами, древлеправославными христианами. Старообрядцы всех согласий активно возражают против единоверия как «ловушки для старообрядцев» (такая оценка дана в издании староверов, претендующем на академичность [Старообрядчество..., 1996. С. 193]), несмотря на то, что единоверцами сохранен (воскрешен) именно литургический уклад древнерусской церкви.
- 5) Трудно понять, уместно ли, со старообрядческой точки зрения, называть единоверцев «никонианами». С одной стороны, они принадлежат к реформированной Никоном церкви. С другой стороны, они не разделяли никоновских нововведений в литургической, бытовой, церковно-стратификационной и прочих сферах.

Единоверие было вытеснено из сферы продолжавшегося три столетия противостояния староверов и «никониан». Существование единоверческих общин было ситуативным и зависящим от воли и отношения епархиальных архиереев и авторитетных священников. Зачастую бывало, что в одной епархии единоверцы свободно совершали богослужения «по-старому» в отведенных им храмах, а в соседней области их принуждали к полному погружению

в новообрядческий семиотический комплект (с троеперстием, обновленным Символом Веры и пр.). Более того, со сменой епископа могла кардинально измениться политика в отношении к единоверцам и в той области, где они исстари проживали.

Это обратная сторона внутренней автономии единоверческих общин: они подчинялись лично правящему архиерею без каких-либо посредников или внутренних управленческих структур. Таким образом, волюнтаризм епископа в отношении подчиненных ему единоверцев не имел никаких сдерживающих скреп [Свод..., Б. м. С. 19]. Потому не существовало каких-то локализаций единоверцев, не было системы четкого поставления единоверческого священства. Такое положение сохранялось до 1800 года, когда была получена юридическая защита и новоименование – «единоверцы».

Единоверие стало частью «государственного проекта» по воссоединению двух ветвей русского православия [Чельцов, 1900. С. 41]. Важную роль в популяризации единоверия в староверческой среде сыграли архимандрит Никольского единоверческого монастыря **Павел Прусский** (Леднев; 1821–1895), публицист **Тертий Иванович Филиппов** (1825–1899) и профессор МДА **Николай Иванович Субботин** (1827–1905).

Однако с 1800 по 1971 годы сохранялось серьезное экклесиологическое противоречие: при осуждении «старого обряда» решениями Собора 1666–1667 г. в церкви сохранялись общины, практиковавшие этот «старый обряд», формально подпадающие под анафемы церкви. Согласно официальной позиции, анафемы эти распространялись только на внешних «хулителей церкви». То есть церковь определялась сугубо юридически, а суждения об анафемах уже в те времена подвергались «творческим перетолкованиям»: невзирая на текст анафем и контекст их оглашения, «миссионерские» единоверцы влагали в них совершенно особый смысл. Такая деятельность, наряду с прочим, закладывала основы современного единоверческого кентавризма. Наиболее ярко этот кентавризм был обнаружен Т. И. Филипповым. Старообрядческий историк Виктор Боченков в своем исследовании проводит мысль, что в основе единоверческого движения к автономии и к реабилитации дониконовского церковного уклада скрыто лежит интеллектуальная работа старообрядческого богослова Ксеноса, приятеля Тертия Филиппова [Боченков, 2004].

В понимании феномена единоверия чрезвычайно важно *эпистемологическое обоснование*. От разных трактовок единоверия, бытовавших с самого его начала, зависит и представление о его сущности. Для единоверцев единоверие было сохранением святой старины в лоне церкви. Для деятелей церкви, противопоставлявших понятия «единоверие» и «православие» (как семиотическое новообрядчество), единоверие было *мостом*, обращенным от «православия» к заблудшим в духе икономии. Митрополит Филарет (Дроздов): «Единоверие не есть начало. Начало есть православие; а единоверие – распространение, развитие, движение сего начала к стороне раскола, с той целью, чтобы отторженных от православной церкви возратить к единству веры, церкви и священноначалия» [Звездинский, 1900. С. 3].

Митрополит Филарет понимал единоверие как снисхождение для привыкших к старому обряду в качестве *временной* автономной единицы в составе российской церкви. Всякие автономические инициативы единоверия им резко пресекались [Беликов, 1895. С. 511], ибо старый чин, священный для единоверцев, считался неполноценным, погрешным, а старообрядческое мировоззрение – ретроградным. Митрополит Филарет провозгласил начало нового этапа противостарообрядческого миссионерства именно с призыва к жалости в отношении неразвитых и темных людей, неспособных выйти за рамки своей косности и невежества в светлое пространство современной, рационалистической новоправославной философии. Переход из новообрядчества в единоверие оставался, как и прежде, невозможен.

Павел Прусский (протезе Филарета) вполне разделял это мнение: староверие возникло из-за «грубости предков», выразившейся в «самочинном оставлении иерархии», в волюнтаристском богословском творчестве, в неумении отделить догматы веры от обрядов. Анафемы 1667 года, по его словам, относились лишь к тем, кто сопротивлялся новообрядной церкви, а «непрекословящиеся» могли продолжать молиться «по-старому» [Павел, 1896. С. 5, 13]. В духе модернистского философствования Павел Прусский разделял «веру» (как жизнь), «догматы» (как питание) и «обряды» (как способ питания) [Павел, 1897а. С. 304].

Не чурался Павел Прусский и инсинуаций. Из его писаний следует, что старообрядцы (особенно беспоповцы) тяготились своим нахождением *вне* Церкви [Павел, 1897б. С. 305], тогда как всякое старообрядческое согласие считало

себя либо частью, либо даже всей полнотой церковной. Другой пример – критика староверов за их якобы *самоименование* «старообрядцы» (согласно докаптеревской идеологии, старый чин был сочинен самими староверами). В действительности же до XX века старообрядцы считали это именование оскорбительной кличкой (из-за приковывания внимания к обрядовой стороне), предпочитая называться православными или *древлеправославными*.

Большой блок сочинений Павла Прусского занимает апологетика нововведений господствующей церкви (совершенно в миссионерском духе), даже таких, каковые критиковались и критикуются самими новообрядцами – например, обливательного Крещения [Павел, 1897в]. Одним из идейных оснований Павла являлось прокатолическое представление о «церкви учащей», могущей отменять и назначать некоторые «второстепенные» правила («обряды»), не касающиеся «вопросов веры», корректировать прежние Соборы (напр., Стоглавый); роль же мирян сводилась только к послушанию [Павел, 1897г. С. 174]. Собственно защиту единоверия или выражения о его значимости у Павла найти трудно; в его лице мы имеем дело с типичным «партийно» ангажированным миссионером.

Примечательно, что одной из причин отказа от принятия Павлом Прусским сана единоверческого епископа было мнение о вредности сего мероприятия, которое могло бы дать автономии «мосту», созданному для «грубых и невежественных» староверов-единоверцев [Субботин, 1904. С. 338].

В 1860-х группой единоверцев во главе со священником **Иоанном Верховским** (1818–1891) была предпринята радикальная попытка перевести единоверие из статуса «моста к никонианству» в ранг полнокровной конфессиональной единицы через учреждение единоверческого епископата. Более того, это был призыв ко всей Греко-Российской Церкви: оставить прокатолические и светские тенденции и обратиться к старорусским православным истокам, сохранившимся в старообрядном крыле Русской церкви [Майоров, 2008]. Инициатива была жестко подавлена, а ее автор лишен сана. Единоверие «классическое» было именно миссионерским предприятием, ему не было позволено никакой свободы проповеди и даже свободы в определении собственной позиции.

Впоследствии эту позицию – однако в более мягком озвучивании – лоббировал Т. И. Филиппов [2008]. Собственно, с деятельности Тертия Филиппова и началась идеологическая

и организационная реабилитация единоверия и переход ко взгляду на него как на отщеп старорусской православной духовности, могоущий быть источником для современной православной духовности. Конфессионально реабилитация единоверческого/старообрядческого мировоззрения должна была прежде всего выражаться в отмене анафем 1667 года на старорусское благочестие. Бурная богословская полемика, инициированная Филипповым, была одной из первых предпосылок протрадиционалистского идейного движения конца XIX – начала XX века. В рамках этого движения впервые была произведена «деклерикализация» понятий «старообрядство» и «раскол» (и само разделение этих понятий). Государственническая апология термина «раскольник» как «бунтовщик», восставший «против власти Церкви», имеется у Льва Тихомирова [2008. С. 498]. Единоверцы начали кристаллизовать свое представление о старообрядчестве как сохранении Предания национального масштаба – исторического опыта Русской церкви, русской православной традиции.

Особое значение в истории единоверия принадлежит Субботину – он изменил сам подход, при котором конфессиональное старообрядчество стало рассматриваться не в прежнем «просвещенческом» ключе, но в политическом: неправота староверов не в их «темности», но в их антицерковности, имеющей в XIX веке, по мнению Субботина, сугубо политический, антигосударственнический характер. Посему лучший способ преодоления раскола – это предоставление староверам автономии в рамках Церкви. «И гонение на раскол, и покровительство расколу составляют крайности, которых одинаково следует избегать в интересах православной русской церкви и русского государства, крепкого православием» [Субботин, 1892. С. 47]. Субботиным было опубликовано неповторимо огромное количество документов за всю историю старообрядчества – вплоть до хроники современных ему значимых событий старообрядческой жизни. По мнению Субботина, изучение «раскольниками» своей собственной истории приведет к их «просвещению» в отношении собственных заблуждений. Однако эффект от издания его многотомных «Материалов к истории раскола» привел к обратному эффекту: старообрядцы, скупавшие целые тиражи «Материалов», еще более консолидировались идейно, участились случаи возвращения из единоверия в «раскол». Однако единоверцы получили мощную идейную легитимацию: из «терпимых» они стали претендовать на ранг «исконных». Примечательно, что

сам знаменитый «борец с расколом» Субботин, согласно завещанию, был похоронен по полному единовѣрческому (древлеправославному) чину.

Таким образом, заявленная Филаретом «смягчительная» политика в отношении староверов привела к тому, что единовѣрие стало лишаться смысла в глазах самих единовѣрцев. «Обличаемый своею историею раскол», ранее трагично воспринимавший свое клерикальное отторжение и разобщенность по соглашениям, теперь перешел от ментального уровня на идеологический и организационный, вершиной которого стало образование в 1846 году старообрядческой «белокриницкой иерархии»; в нее немедленно хлынул поток бывших единовѣрцев, которых в господствующей церкви удерживало только наличие духовенства. Сдерживающим фактором оставалась только иллегальность этой иерархии в России и юридические ограничения, накладываемые на старообрядцев в общем до 1905 г.

2. Единовѣрие на изломе

С XVIII века единовѣрцы стремились получить собственного епископа, чтобы не зависеть от иерархии, парадоксально допускающей и проклинающей старый обряд. Однако все эти прошения оставались без ответа. К началу XX века численность единовѣрцев была около 200 тысяч [Ермакова, 2011. С. 13]. После дарования староверам свободы вероисповедания (1905) многие единовѣрцы еще более отшатнулись к «белокриницкой иерархии», и вопрос о единовѣрческом епископе – «спасительном клапане» единовѣрия стал одним из актуальнейших и обсуждаемых. В пользу единовѣрческого епископата говорило организационное усиление противника – новообразовавшейся «Древлеправославной Церкви Христовой белокриницкой иерархии», которой необходимо было противопоставить мощную и свободную старообрядческую структуру, не разорвавшую связи с официальной Церковью, но и не являющуюся ее преддверием. Против идеи епископата – опасения, что независимость единовѣрцев от новообрядческой иерархии вскоре приведет к юридическому отрыву (вследствие существенной мировоззренческой разницы) [Бродский, 1906]. Протоиерей Симеон Шлеев был одним из наиболее ярких глашатаев необходимости единовѣрческого епископата [Шлеев, 2005б], и это движение одержало победу. Сам Шлеев и был возведен в архиерейство в 1918 году. Епископ **Симон Охтенский** (Шлеев; 1873–1921) стал одной из самых ярких

фигур единовѣрия [Зими́на, 2005]. Более того, в кратком периоде единовѣрческого самоосознания и самоопределения (начало XX века) можно выделить только две персоны, исследуя творчество которых, мы можем говорить о единовѣрческом менталитете и мировоззрении, – епископы Симон (Шлеев) и **Андрей (Ухтомский)**. Епископ Симон создал первый официальный единовѣрческий журнал и организовал несколько единовѣрческих братств и съездов. Его перу принадлежит очерк – основной источник для исследования единовѣрческой философии – «*Единовѣрие в своем внутреннем развитии*» [Шлеев, 2005а]. По мнению еп. Симона, только единовѣрие могло быть выходом из тупика западнизации-секуляризации, в который Русь начала входить с начала никоновских реформ. Только поворот церкви в древнерусско-традиционно-православную сторону мог привести к избавлению от секулярных тенденций, приведших Россию к революциям и братоубийственным войнам. Речь Шлеева на Поместном Соборе РПЦ в 1918 году:

Здесь неоднократно упоминали о 115 миллионах русского православного народа. Но если вы поедите по России, по железной дороге или другим путем, будете проходить города и веси, внедряться в толщину народную, то должны с грустью сказать, что 115 миллионов православных нет: дай Бог, чтобы нашлась половина, которая бы не преклонила колена перед Ваалом. Язычество нас захлестнуло. Как и в послании Святейшего Отца нашего Патриарха сказано, многие – по рождению православные, а по духу – враги Христа. Вот в какое время предлагается на обсуждение вопрос о Единовѣрии. В другое время я не дерзнул бы с такой смелостью говорить о нуждах Единовѣрия. Но сейчас с нашей стороны будет преступлением, если мы не будем взывать к уму и стучаться в сердце, прося о том, чтобы мы не чувствовали себя пасынками, а чадами единой, святой апостольской Церкви, наряду с русскими верующими людьми, дабы зародыш веры, который мы чувствуем, совсем у нас не погас, чтобы мы чувствовали, что Русь Святая не утратила своей веры, и Русская Церковь есть и наша мать. В ту пору, когда Русскую Церковь окружают безчисленные тучи, нам, верующим людям, стыдно и тяжело делиться между собою из-за того, что не понимаем друг друга, и когда грудью надо стать на защиту веры и Евангелия, спорить, что лучше: молиться двумя или тремя перстами... Вера Христова – это жизнь во Христе, а потому все церковное строительство должно клониться к тому, чтобы вера Христова внедрялась в наше сознание, в наш быт. И раз у нас создались известные нормы, порядок, известный быт церковный, завещанный предками, если все это завещано и веками закреплено и держится с любовью

среди многих сельчан, то вполне понятна мысль о том, чтобы был охранитель всего древнерусского быта, облеченный саном епископа, и желание это заслуживает одобрения... Если Единоверие не временное явление, и его быт и обычаи заслуживают внимания, если мы представляем некоторую ценность в церковной экономике, то мы должны пощадить Единоверие, сохранить его и дать ему то устройство, при котором оно могло бы жить [Саранча, 2011. С. 44–45].

Стараниями еп. Симона в 1912 году был проведен Первый Всероссийский Съезд православных старообрядцев (единоверцев), ставший отправной точкой для организационной и идейной консолидации единоверия. А. М. Дмитриевский так охарактеризовал значение этого съезда:

Единоверцы захватывают широкий горизонт, дающий им право говорить не о разделении, а о воссоединении великого единства в Православной Церкви... Съезд православных старообрядцев ставит на разрешение основные вопросы объединения всех старообрядцев в одно целое под сенью вселенского Православия. Это – вопросы о клятвах Соборов 1656 года и 1666–1667 годов, об учреждении «своего», служащего по древнему чину, живущего обычаями древней русской Церкви, епископа, об организации всей церковной жизни... Резолюции съезда касаются Православной Церкви, православного старообрядчества и всего старообрядчества [Саранча, 2012. С. 9].

Этот съезд был знаменателен призывом к рассмотрению возможностей объединения с «белокриницкой иерархией». Результаты последующего совещания, на котором присутствовало 13 епископов ДХЦ БИ, стали основанием для принятия Поместным Собором РПЦ предварительных решений об отмене проклятий на старообрядчество. Однако события 1917 года помешали планам объединения старообрядцев, единоверцев и новообрядцев.

3. Современное единоверие

Нынешнее единоверие и единоверие, «созданное» императором Павлом и митрополитом Платоном, – разные понятия. До 1917 года социальной основой единоверия были потомственные старообрядцы, стремившиеся к компромиссу: подчиниться Церкви (то есть не считать ее отступнической, а себя – «остальцами Третьего Рима»), но в то же время сохранить литургический и бытовой уклад по проекту предраскольного «общества ревнителю древнего благочестия».

Важнейшими идеологами современного единоверия являются **А. Г. Дугин, Б. П. Кутузов¹, В. И. Карпец, М. А. Тюренков, священник Петр Чубаров, священник Иоанн Миролубов, игумен Кирилл (Сахаров)**. Современное единоверие претендует быть определенным «консервативным центром», внутренней идеологией РПЦ, стремящейся противостоять секуляризационным процессам.

Нынешние единоверцы – «внутренние эмигранты» в РПЦ – являются новаторами в плане изменения понятия «единоверие»² и традиционалистами в смысле отношения к древности и современности. Они стремятся *воскресить образ Святой Руси в Церкви* [Миролубов, 2010]. Реставрация, а не продолжение – то, что отличает современных единоверцев. По этой причине, невзирая на ексклезиологическое единство с новообрядчеством, целью единоверцев является *древлеправославный образ жизни и мышления*. Более того, древлеправославие единоверцами видится как единственная перспектива истинного возрождения Церкви и – более того – всей России [Дугин]. Основное содержание современного единоверия емко выразил свящ. Петр Чубаров:

Единоверие исповедует ряд идей, которые до сего дня являются фундаментальными для всех единоверческих приходов. Первая идея – о равенности обрядов новых и дониконовских времен. Идея эта не нова, она возникла еще в недрах согласия соединенцев. Вторая идея – о благодатности русской православной церкви и ее иерархов, независимо от событий XVII века. Третья идея – единоверцы являются связующим звеном между дониконовской Русью (речь о богослужебных традициях) и новообрядческой церковью; именно единоверцы могут вернуть новообрядческую церковь к древним утраченным традициям. В этом большое просветительское значение единоверия для церкви в целом. То есть старообрядчество, приняв единую русскую православную церковь, исцеляется от последствий раскола. А РПЦ обогащается присутствием в ней единоверческих приходов [Чубаров, 1998–2012].

Единоверцы тянут РПЦ МП к диалогу со старообрядчеством, причем речь идет – подчеркивает Тюренков – о содержательном диалоге, а не фольклорно-этнографическом

¹ В полной мере считать Бориса Кутузова единоверцем нельзя, но все его исследования и публицистика посвящены реабилитации дониконовского православия и возможностям реставрации древнего богослужебного уклада [Кутузов, 2008].

² Символично, что вместо грубого и несодержательного термина «единоверцы» теперь все чаще употребляется «старообрядцы Московского Патриархата».

экзотическом дискурсе [Тюренков, 2004–2015а]. Также Тюренков подчеркивает важную особенность единоверия – его внутреннее деление на «автокефалистов» (стремящихся к созданию внутри РПЦ обособленного крыла, всецело настроенного на исповедание древнего благочестия) и «единоверцев-миссионеров» (использующих единоверие как способ интеграции «внешних» старообрядцев в РПЦ). К представителям первого крыла Тюренков относит *еп. Симона Охтенского*, к представителям второго крыла – *архим. Павла Прусского* [Тюренков, 2004–2015б].

В отличие от староверов, не находящихся в литургическом общении с РПЦ МП, единоверцы отрицают уравнивание догматической и литургической сфер религии. Обобщенное восприятие различий и близости единоверцев и «свободных» старообрядцев приводит Михаил Тюренков:

Главные противоречия, ставшие основными причинами Раскола, как всем нам хорошо известно, носят обрядовый (что бы ни говорили иные старообрядцы по поводу позднего характера самого термина «обряд») и, отчасти, канонический характер. По поводу последнего можно сказать, что, признавая в полной мере необходимость повышения в Русской Православной Церкви степени канонического сознания (выделено мной. – К. Т.), нельзя забывать, что Вселенская Церковь на протяжении всей своей истории исходила из принципа икономии, осознавая, что умеренное смягчение канонических императивов не только допустимо, но и зачастую просто-таки необходимо в условиях нашего грешного мира. В противном случае, ежели исходить из сугубой акривии, можно прийти к выводу, отрицающему существование видимой Церкви, уподобившись глухой нетовщине и немоякам, не признающим даже икон по той причине, что якобы ныне в нашем мире уже не может быть не только священства, но и благодати вообще. Прочие старообрядцы, как бы они от этого ни открещивались, исходят из той или иной степени икономии, но уклоняются от общения с Церковью по причинам, по сути имеющим исключительно исторический, социальный или даже политический характер [Тюренков, 2004–2015в].

Также Тюренков говорит о явлении, которое можно характеризовать как «скрытое единоверчество»: ощущение отделившимися староверами своего духовного и вероучительного единства с новообрядчеством. Тюренков утверждает не только распространенность такого ощущения «на местах», но и то, что «униатский» характер имеет РДЦ, идущая от архиепископа Николы (Позднева) и даже РПСЦ. По его словам, митрополит Амвросий Белокриницкий был

движим желанием не создания собственной конфессии, но «уврачевания раскола», приведения разрозненных поповцев в единство с Вселенской Православной Церковью. Границы церкви, согласно Тюренкову, заключаются в верности догматической (обрядовое разногласие даже при желании отгородиться не может стать еkkлесиологическим барьером), потому «единоверцами являются все православные новообрядцы и старообрядцы, вне зависимости от юрисдикции в том случае, если их разделение произошло по взаимной вине, и если было сохранено догматическое единство (таким образом, едины все Поместные церкви, РПЦЗ, РПСЦ, РДЦ и, возможно, ряд старостильных юрисдикций)».

Вина за раскол, с точки зрения единоверцев, в отличие от конфессиональных староверов, лежит либо на обеих сторонах, либо на новообрядцах, осмелившихся выступить против церковной традиции, отход от которой, согласно 1-му правилу VII Вселенского собора, расценивается как ересь. Если «наши общие мученики вместе легли в сырую землю Бутовского полигона» [Тюренков, 2004–2015а], отстаивая православие против общего врага, значит, всякое стремление к единению для духовно здоровых сил должно быть естественным. Единоверец Валерий Смирнов пишет: «Для того чтобы оправдать «никоновы новины», народу был навязан стереотип, бытующий и ныне, что ересь – это нарушение догматов, а не предания. Из этого следует, что можно петь в церкви как хочешь, писать реалистичные картины вместо икон, крестить не только полным погружением, но и окроплением и т. д. и т. п. Другими словами, делай что хочешь: видеоизменяй до неузнаваемости тексты, традиции, главное – догматы не трогай и никого не осуждай (в особенности священноначалие) и поменьше рассуждай, и будешь православным христианином» [Смирнов, 2008. С. 85].

В. И. Карпец определяет два основных пункта современного единоверия (заметим, речь идет уже только об «автокефальном», а не о «миссионерском» единоверии): «Признание юридикто-еkkлесиологической правоты никоиан и мировоззренческой – старообрядцев» [Карпец, 2004–2015а]. Из этого исходит другая важная черта современного единоверия – расщепленность еkkлесиологии. С одной стороны, единоверцы выступают за возрождение Старой Веры, соборности, полноты традиции. С другой – состоят в русле новообрядческой церкви (никогда не обозначающей в учебниках по катехизису и Закону Божию «равночестности» старых и новых обрядов), протестуют против

старо-новообрядного биритуализма. РПЦ МП ведет политику утверждения сращения с органами государственной власти и пропаганды «облегченного» православия.

В печати и Интернете все чаще появляются статьи единоверцев и сочувствующих им новообрядцев в лоне РПЦ и РПЦЗ, заявляющих о необходимости возрождения дораскольного богослужения, обрядовой сферы и приходского уклада [Крылов, 2007–2015а]. Единоверцы рассматривают образ дораскольной церкви как идеальный, чуждый католического, протестантского и секулярного веяний [Кутузов, 2008. С. 574], отход от обновленчества [Саввин, 2002] и либерально-демократического мировоззрения. Единоверие – проект, пошаговая реализация которого может стать единственным лекарством РПЦ от ползучего обмирщения [Саввин, 2012]. Дугин призывает к своеобразной «прививке» единоверием [Дугин, 2015].

Всего в России насчитывается около 20 единоверческих общин. Они, за исключением одной-двух, дезорганизованы и не представляют единого целого ни литургически, ни организационно. При отсутствии единоверческого епископата приходы подчиняются местным новообрядческим архиереям. Единоверческое духовенство поставляется также новообрядческими епископами, в основном – **митрополитом Ювением (Поляковым)**.

В США, в Пенсильвании, существует единоверческая епархия, окормлявшаяся до 2010 года **епископом Даниилом Ирийским** (Александровым; 1930–2010), проводившим огромную работу по распространению единоверия в Америке и воссоединению с большим числом проживавших в США и Канаде беспоповцев. После смерти епископа Даниила лидером зарубежных единоверцев (РПЦЗ) стал епископ Иоанн (Берзинь), Каракасский и Южно-Американский, совмещающий руководство всеми единоверческими общинами зарубежья и новообрядцами РПЦЗ в Южной Америке.

Помимо единоверия как организационного процесса в РПЦ МП и РПЦЗ есть «скрытое», или ситуативное, единоверие – негласное движение за возвращение к древнерусской духовности и церковности, выраженной в древнем литургическом строе [Крылов, 2007–2015б]. Представителем такого движения можно считать игумена **Кирилла (Сахарова)**, в храме которого долгое время старый чин практиковался де-факто, без официального утверждения прихода как единоверческого [Кирилл, 2010. С. 1]. В рамках проединоверческого курса некоторые священнослужители РПЦ МП прямо

утверждают, что диалог со староверами обогатит новообрядчество. Протоиерей Петр Ткачев: «Старообрядцы могут помочь нам строить и вести нашу церковную жизнь на более твердых основах древнего благочестия. Это тоже очень важно в меняющемся мире, потому что, проповедуя инославным, очень легко от них заразиться какими-то болезнями. Проповедуя секулярному миру, очень легко впасть в соблазн скрытой секуляризации» [Ткачев, 2006–2012].

Официальная позиция РПЦ МП приветствует возрождение старообрядчества в своем общем русле, однако основания для этого – иные: «Существование внутри Русской Православной Церкви обрядового многообразия свидетельствует окружающему миру не о разобщенности церковного организма, но наоборот, о способности ее членов «сохранять единство духа в союзе мира» (Еф. 4, 1–3), о богатстве богослужбной практики и глубине внутреннего потенциала Церкви» [Кирилл, 2011. С. 12]. Публицист Кирилл Фролов, примыкающий к крылу «боевого православия», открыто заявляет о необходимости «вовлечения старообрядческой субкультуры» [Фролов, 2007].

Как можно видеть из этих слов, официальная позиция РПЦ МП отличается от той, которую в свое время заявил митр. Филарет (Дроздов). Теперь единоверие – не «мост», а признак многообразия русского православия, единство которого выражается не в единстве литургических форм, а в едином духовном настроении. Таким образом, сегодняшнее единоверие изменилось в соответствии с ризомическими принципами Современности: и сами единоверцы, и их покровители воспринимают основные принципы единоверия на основе *субкультурной* логики [Майоров, 1997–2015]. Для современных «старообрядных общин» их своеобразие – это сохранение микродискурса в рамках «большого рассказа» РПЦ МП; для руководства РПЦ единоверие – это мультикультуралистское сохранение внешнего своеобразия при условии незыблемого организационного единства.

Постмодерн, как отрицание рационалистического атеизма и грубого секуляризма, изыскивает традиционные элементы для своего методологического арсенала, однако элементы эти отбираются произвольно и субъективно, komponуются – мозаично. Постмодернистское комбинирование видимости традиции не преследует цели восстановления традиционного склада ума, которое находилось в постоянной связи со священным. Постмодернистские ретрофутуристы используют элементы и риторику традиции лишь для иллюстрации собственных

дискретных идейных построений. Таким образом, традиция симулируется, и симулякры традиции являются более действенной формой ментальной секуляризации, чем воинствующий атеизм.

Современное единоверие началось с кентаврического состояния несочетаемого: новообрядческая церковная организация и ее уклад в миссионерских целях (замечательно проговоренных митр. Филаретом) на некоторое время соединялись с древней литургической практикой и осколками старинной повседневной аскетике. Социальная база «классического» единоверия сплошь состояла из перешедших старообрядцев, инерционно сохранявших свой уклад. Постепенно эта инерция была сглажена, начинание митрополитов Платона и Филарета осуществилось, в рамках господствующего исповедания не осталось старообрядческого-единоверческого мировоззрения. Сегодняшнее единоверие переворачивает даже кентавризм единоверия «классического», превращая его в мутантное новшество. «Классическое» старообрядчество отсылало к древнерусскому духовному опыту; «классическое» единоверие отсылало к духовному опыту старообрядчества; современное единоверие отсылает к духовному опыту единоверия «классического», делая эту отсылку совершенно волюнтаристской, умозрительной и даже игровой. Этот симулякрый интеллектуальный процесс, подробно описанный Бодрийяром, представляет собой предельную фазу десакрализации, имитирующей досекулярность [Бодрийяр, 2013. С. 16–49].

Источники и литература

Беликов В. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань: Изд-во Казан. императ. ун-та, 1895. 580 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

Боченков В. В. Истина историческая против истины миссионерской // Церковь: Издание РПСЦ / Ред. А. В. Антонов. 2004. № 6. С. 50–59.

Бродский Л. К. К вопросу об единоверческом епископе (Историческая справка) // Христианское чтение. 1906. № 6. С. 909–930.

Верховский Т., прот. Искание старообрядцами в XVIII веке законного архиерейства. СПб.: Изд-во В. Головина, 1868. 72 с.

Дугин А. Г. Концепция святорусского Православия в единоверческой традиции // Анти-раскол: Информационно-справочный портал по расколоведению. [Б. м, 2015]. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2007> (дата обращения: 13.02.15).

Ермакова Д. С. Единоверческая Церковь в Зауралье (XIX – первая треть XX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень: ТюменГУ, 2011. 22 с.

Жмакин В. И., прот. Начало единоверия (1780–1796) // Христианское чтение. 1900. № 12. С. 979–1004.

Звездинский М. И. Взгляд Филарета митрополита Московского на единоверие и его отношение к нему. М.: Изд-во МГУ, 1900. 15 с.

Зимина Н. П. Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. 442 с.

Карпец В. И. Древлеправославное торжество // Правая.ru. [М., 2004–2015а]. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/8421> (дата обращения: 13.02.15).

Карпец В. И. Народный монарх и единая вера // Правая.ru. [М., 2004–2015б]. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/600> (дата обращения: 13.02.15).

Кирилл (Сахаров), игумен. Интервью в связи с 210-летием учреждения единоверия // Берсеневские страницы. 2010. № 5 (103). С. 1–2.

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Доклад Председателя Комиссии по взаимодействию и сотрудничеству Русской Православной Церкви и Старообрядчества на юбилейной конференции, посвященной 200-летию канонического бытия старообрядных приходов в лоне Русской Православной Церкви (Москва, ОБЦС, 27 ноября 2000 г.) // Сайт Тараса Сидаша [СПб., 2011]. URL: http://sidashtaras.ru/img/prilozhenie_p_K.pdf (дата обращения: 13.02.15).

Крылов Г., прот. Как Агиасма стала «скачущей» (история одного литургического разночтения) / Богослов.ru. [М., 2007–2015а]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2308475.html> (дата обращения: 13.02.15).

Крылов Г., прот. Старый чин как признак новой эпохи // Богослов.ru. [М., 2007–2015б]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1937533.html> (дата обращения: 13.02.15).

Кутузов Б. П. Так был ли Кочующий собор? // Русское Православие. 2000. № 4. С. 1–6.

Кутузов Б. П. Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. Барнаул: Изд-во Фонда поддержки строительства храма Покрова Пресвятыя Богородицы РПСЦ, 2008. 624 с.

Лавров А. С. Письмо и челобитная Ивана Неронова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1. С. 101–106.

Лебедев Е. Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу // Христианское чтение. 1903. № 1. С. 443–463.

Майоров Р. А. Единство в многообразии // НГ-Религии [М., 1997–2015]. URL: http://www.ng.ru/printing/2005-06-01/7_edinstvo.html (дата обращения: 13.02.15).

Майоров Р. А. К вопросу об экклезиологии единоверческого священника Иоанна Верховского (отношения с Белокриницкой иерархией) // Церковь и общество в России: пути содружества и вызовы эпох:

Сб. статей / Сост. А. С. Мельков, В. Ю. Венедиктов. М.: Ярославль: Ремдер, 2008. С. 160–167.

Миролюбов И., свящ. Старообрядцы: Назад, в будущее! // Нескучный сад. 2010. № 12. С. 7–10.

Павел, архимандрит Никольского единоверческого м-ря. Беседа с одним из православных о том, как следует смотреть на именуемое старообрядчество. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1896. 52 с.

Павел, архим. Ответ на вопрос старообрядца о обрядах // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897а. Т. 1. С. 303–304.

Павел, архим. Беседа со старообрядцем о мнимых прибавлениях и убавлениях, якобы внесенных церковью в богослужбные книги // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897б. Т. 1. С. 305–314.

Павел, архим. О поливательном крещении отповедь старообрядцам // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897в. Т. 1. С. 334–336.

Павел, архим. Ответ мой одному возражателю // Павел, архим. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1897г. Т. 2. С. 156–215.

Павлова О. А. Единоверие в контексте правительственной и церковной политики России в XVIII – начале XX в.: автореф. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород: НГПУ, 2007. 30 с.

Правила учреждения единоверия 1800 года // Библиотека Якова Кротова. [М., 2003–2012]. URL: <http://krotov.info/acts/18/3/18001027.html> (дата обращения: 13.02.15).

Саввин Д. Антисимфония // Академия Тринитаризма. [М., 2002]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0017/001a/00171047.htm> (дата обращения: 13.02.15).

Саввин Д. Церковный раскол XVII века как корень последующих русских бед // Русская Идея. [Б. м., 2006]. URL: <http://www.rusidea.org/?a=12015> (дата обращения: 13.02.15).

Саранча Е., свящ. Жизнеописание священномученика Симона епископа Охтенского. М.: Изд-во единоверческого храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода, 2011. 58 с.

Саранча Е., иерей. Столетие Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев) // Правда Православия: Периодическое издание единоверческой общины храма Архангела Михаила / Ред. Иринарх (Денисов), священноигумен. 2012. № 1. С. 9–10.

Свод действующих постановлений о раскольниках. Б. м., Б. г. 17 с.

Смирнов В. В. Падение III Рима. Духовные основы возрождения Русского Православного Царства. СПб.: Скифия, 2008. 160 с.

Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / Сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. М.: Церковь, 1996. 318 с.

Субботин Н. И. Еще 15 лет служения Церкви борьбою с расколом (моя переписка с архим. Павлом за 1879–95 гг.). М.: Синодальная типогр., 1904. 907 с.

Субботин Н. И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синодальная типография, 1892. 48 с.

Тихомиров Л. А. Законопроект о раскольниках // Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни / Ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 497–500.

Ткачев А., прот. Проблема православно-старообрядческого диалога // Православное старообрядчество: информационно-аналитический сайт. [М., 2006–2012] URL: <http://www.edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=471> (дата обращения: 13.02.15).

Товбин К. М. Русское старообрядчество как ответ на секуляризацию в России // Философия права. 2014. № 4 (65). С. 102–106.

Тюренок М. А. 350 лет «врозь»? Взгляд через приоткрытую катапетасму / Правая.ru. [М., 2004–2015а]. URL: <http://www.pravaya.ru/look/3263> (дата обращения: 13.02.15).

Тюренок М. А. Кредо единоверца / Правая.ru. [М., 2004–2015б]. URL: <http://www.pravaya.ru/column/6885> (дата обращения: 13.02.15).

Тюренок М. А. Православие, Единоверие, Старообрядчество: Выступление на XIV Международных Рождественских образовательных чтениях (январь-февраль 2006 г.) / Правая.ru. [М., 2004–2015в]. URL: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/6490> (дата обращения: 13.02.15).

Тюренок М. А. Что невозможно человекам – возможно Богу / Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. [СПб., 2012]. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2010/03/26/mihail_tyurenkov_chno_nevozmozhno_chelovekam_vozmozhno_bogu/ (дата обращения: 13.02.15).

Феотокис Никифор, архиеп. Благословенным христианам Греции и России. М.: Даниловский благовестник, 2006. 344 с.

Филиппов Т. И. О нуждах единоверия // Филиппов Т. И. Русское воспитание / Ред. О. А. Платонов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2008. С. 244–282.

Фролов К. А. Секулярный тоталитаризм в обществе и «суррогатный консерватизм» в Церкви как вызов Церкви, обществу и государству // Апология клерикализма. М., 2007. С. 37–79.

Чельцов М. П. Единоверие за время столетнего существования его в Русской Церкви. СПб.: Изд-во В. В. Комарова, 1900. 95 с.

Чубаров П., свящ. «А негоже нам, братья, ратиться!» // Православный Санкт-Петербург [СПб., 1998–2012] URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n212/ta008.htm> (дата обращения: 13.02.15).

Шлеев С., свящ. Единоверие и его столетнее организационное существование в Русской Церкви // Путь на Голгофу. Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского / Ред. Н. П. Зимины. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005а. Т. 2. С. 103–508.

Шлеев С., свящ. К вопросу: какой епископ нужен единоверию? // Путь на Голгофу. Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского / Ред. Н. П. Зимины. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005б. Т. 2. С. 79–102.

Поступила в редакцию 13.02.2015

References

- Belikov V.* Deyatel'nost' moskovskogo mitropolita Filareta po otnosheniyu k raskolu [The actions of Metropolitan of Moscow Philaret in relation to the schism]. Kazan': Izd-vo Kazan. imperat. un-ta, 1895. 580 p.
- Bodriy Zh.* Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and simulation]. Tula: Tul'skii poligrafist, 2013. 204 p.
- Bochenkov V. V.* Istina istoricheskaya protiv istiny missionerskoi [Historical truth versus missionary truth]. *Tserkov': Izdanie RPSTs* [The church. Ed. of Russian Orthodox Old-Rite Church]. Ed. A. V. Antonov. 2004. No 6. P. 50–59.
- Brodskii L. K.* K voprosu ob edinovercheskom episkope (Istoricheskaya spravka) [To the question of an Edinoverie bishop (historical reference)]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings]. 1906. No 6. P. 909–930.
- Chel'tsov M. P.* Edinoverie za vremya stoletnego sushchestvovaniya ego v Russkoi Tserkvi [Edinoverie during a hundred years of its existence in the Russian Church]. St. Petersburg: Izd-vo V. V. Komarova, 1900. 95 p.
- Chubarov P., svyashch.* «A negozhe nam, brat'ya, rati'sya!» [Priest. «Oh, brothers, we ought not to fight with each other!»]. Pravoslavnyi Sankt-Peterburg [Orthodox St. Petersburg]. 1998–2012. URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n212/ta008.htm> (accessed: 13.02.15).
- Dugin A. G.* Kontseptsiya svyatorusskogo Pravoslaviya v edinovercheskoi traditsii [The concept of Russian Orthodoxy in Edinoverie tradition] Anti-raskol: Informatsionno-spravochnyi portal po raskolovedeniyu [Anti-schism: Information and reference portal on schism studies]. 2015. URL: <http://www.anti-raskol.ru/pages/2007> (accessed: 13.02.15).
- Ermakova D. S.* Edinovercheskaya Tserkov' v Zaural'e (XIX – pervaya tret' XX veka) [The Edinoverie Church in the Urals (19th – the first third of the 20th century)]: avtoref. ... dis. kand. ist. nauk [PhD Diss. (Hist.)]. Tyumen': TyumenGU, 2011. 22 p.
- Feotokis Nikifor, arkhiep.* Blagoslovennym khristianam Gretsii i Rossii [Archbishop. To the blessed Christians of Greece and Russia]. Moscow: Danilovskii blagovestnik, 2006. 344 p.
- Filippov T. I.* O nuzhdakh edinoveriya [On the needs of Edinoverie]. Russkoe vospitanie [Russian upbringing]. Ed. O. A. Platonov. Moscow: In-t rus. tsivilizatsii, 2008. P. 244–282.
- Frolov K. A.* Sekulyarnyi totalitarizm v obshchestve i «surrogatnyi konservatizm» v Tserkvi kak vyzov Tserkvi, obshchestvu i gosudarstvu [Secular totalitarianism in society and «surrogate conservatism» in the Church as a challenge to the Church, society and state]. *Apologiya klerikalizma* [Clericalism apology] Moscow, 2007. P. 37–79.
- Karpets V. I.* Drevlepravoslavnoe torzhestvo [The old Orthodox celebration]. *Pravaya.ru*. 2004–2015a. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/8421> (accessed: 13.02.15).
- Karpets V. I.* Narodnyi monarkh i edinaya vera [The people's monarch and one faith]. *Pravaya.ru*. 2004–2015b. URL: <http://www.pravaya.ru/faith/118/600> (accessed: 13.02.15).
- Kirill (Sakharov), igumen.* Interv'yu v svyazi s 210-letiem uchrezhdeniya edinoveriya [Father superior. Interview on the 210th anniversary of the Edinoverie foundation]. *Bersenevskie stranitsy* [Bersenevskiy pages]. 2010. No 5 (103). P. 1–2.
- Kirill, mitropolit Smolenskii i Kaliningradskii.* Doklad Predsedatelya Komissii po vzaimodeistviyu i sotrudnichestvu Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i Staroobryadchestva na yubileinoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu kanonicheskogo bytiya staroobryadnykh prikhodov v lone Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (Moskva, OVTsS, 27 noyabrya 2000 g.). Sait Tarasa Sidasha [Kirill, the metropolitan of Smolensk and Kaliningrad. The report of the head of the committee on collaboration and cooperation of the Russian Orthodox Church with the Old-Rite Church dedicated to the 200th anniversary of canonical existence of the Old-Rite parishes within the Russian Orthodox Church (Moscow, Dep. for external Church relations, November 27, 2000)]. 2011. URL: http://sidashtaras.ru/img/prilozhenie_p_K.pdf (accessed: 13.02.15).
- Krylov G., prot.* Kak Agiasma stala «skachushchei» (istoriya odnogo liturgicheskogo raznochteniya) [Archpriest. On how Agiasma became «galloping» (a history of liturgical variant reading)]. *Bogoslov.ru*. 2007–2015a. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2308475.html> (accessed: 13.02.15).
- Krylov G., prot.* Staryi chin kak priznak novoi epokhi [Archpriest. An old rite as a feature of a new epoch]. *Bogoslov.ru*. 2007–2015b. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1937533.html> (accessed: 13.02.15).
- Kutuzov B. P.* Tak byl li Kochuyushchii sobor? [So, was there the «Wandering Cathedral»?]. *Russkoe Pravoslavie* [Russian Orthodoxy]. 2000. No 4. P. 1–6.
- Kutuzov B. P.* Tserkovnaya «reforma» XVII veka kak ideologicheskaya diversiya i natsional'naya katastrofa [The Church «reform» of the 17th century as ideological sabotage and national disaster]. Barnaul: Izd-vo Fonda podderzhki stroitel'stva khrama Pokrova Presvyatyya Bogoroditsy RPSTs, 2008. 624 p.
- Lavrov A. S.* Pis'mo i chelobitnaya Ivana Neronova [Letter and petition by Ivan Neronov]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Issues of medieval studies]. 2009. No 1. P. 101–106.
- Lebedev E. E.* Edinoverie v protivodeistvii russkomu obryadovomu raskolu [Edinoverie as an opposition to the Russian ritual schism]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings]. 1903. No 1. P. 443–463.
- Maiov R. A.* Edinstvo v mnogoobrazii [Unity in diversity]. *NG-Religii*. 1997–2015. URL: http://www.ng.ru/printing/2005-06-01/7_edinstvo.html (accessed: 13.02.15)
- Maiov R. A.* K voprosu ob ekkleziologii edinovercheskogo svyashchennika Ioanna Verkhovskogo (otnosheniya s Belokrinskoi ierarkhie) [To the question of ecclesiology of the Old Believer priest Ioann Verkhovskiy (relationship with Belokrinskaya hierarchy)]. Tserkov' i obshchestvo v Rossii: puti sodruzhestva i vyzovy epokh: sb. statei [The Church and society in Russia: ways of cooperation and challenges of the era. Collected papers]. Eds. A. S. Mel'kov, V. Yu. Venediktov. Moscow; Yaroslavl': Remder, 2008. P. 160–167.

Miroljubov I., svyashch. Staroobryadtsy: Nazad, v budushchee! [Priest. The Old believers: back to the future!]. *Neskuchnyi sad* [The restless garden] 2010. No 12. P. 7–10.

Pavel, arkhimandrit Nikol'skogo edinovercheskogo m-rya [Pavel, the archimandrite of Nikolsky Edinoverie monastery]. Beseda s odnim iz pravoslavnykh o tom, kak sleduet smotret' na imenuemoe staroobryadchestvo [An interview with an Orthodox believer regarding the Old Belief]. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1896. 52 p.

Pavel, arkhim. Otvét na vopros staroobryadtsa o obryadakh [Pavel, the archimandrite. An answer to the question of Old Believers regarding the rituals]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897a. Vol. 1. P. 303–304.

Pavel, arkhim. Beseda so staroobryadtsem o mnogikh pribavleniyakh i ubavleniyakh, yakoby vnesennykh tserkoviyu v bogoslužebnye knigi [Pavel, the archimandrite. An interview with an Old Believer regarding pretended additions and omissions in the liturgical books supposedly made by the Church]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897b. Vol. 1. P. 305–314.

Pavel, arkhim. O polivatel'nom kreshchenii otpoved' staroobryadtsam [Pavel, the archimandrite. On water christening, rebuke to Old Believers]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897v. Vol. 1. P. 334–336.

Pavel, arkhim. Otvét moi odnomu vozrazhatel'ny [Pavel, the archimandrite. My response to an opponent]. Pavel, arkhim. Poln. sobr. soch. Moscow: Izd-vo Bratstva sv. Petra mitropolita, 1897g. Vol. 2. P. 156–215.

Pavlova O. A. Edinoverie v kontekste pravitel'stvennoi i tserkovnoi politiki Rossii v XVIII – nachale XX v [Edinoverie in the context of the Russian government and ecclesiastical policy in the 18th – beginning of the 20th century].: avtoref. ... kand. ist. nauk [PhD Diss. (Hist.)]. Nizhniy Novgorod: NGPU, 2007. 30 p.

Pravila uchrezhdeniya edinoveriya 1800 goda [The rules of Edinoverie, the year 1800]. Biblioteka Yakova Krotova [Library of Yakov Krotov]. 2003–2012. URL: <http://krotov.info/acts/18/3/18001027.html> (accessed: 13.02.15).

Sarancha E., svyashch. Zhizneopisanie svyashchenomuchenika Simona episkopa Okhtenskogo [Priest. Biography of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Moscow: Izd-vo edinovercheskogo khrama Arkhangel Mikhaila sela Mikhailovskaya Sloboda, 2011. 58 p.

Sarancha E., ierei. Stoletie Pervogo Vserossiiskogo s'ezda pravoslavnykh staroobryadtsev (edinovertsev) [Priest. The 100th anniversary of the first All-Russian congress of Orthodox Old Believers (Edinovertsy)]. Pravda Pravoslaviya: Periodicheskoe izdanie edinovercheskoi obshchiny khrama Arkhangel Mikhaila [The Orthodox truth: a periodical of Edinoverie parish of the Cathedral of Archangel Michael]. Ed. Irinarkh (Denisov), svyashchennoigumen. 2012. No 1. P. 9–10.

Savvin D. Antisimfoniya [Antisymphony]. Akademiya Trinitarizma [The Trinitarian Academy]. 2002. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0017/001a/00171047.htm> (accessed: 13.02.15).

Savvin D. Tserkovnyi raskol XVII veka kak koren' posleduyushchikh russkikh bed [The Church schism of the 17th century as a root of the subsequent Russian troubles]. Russkaya Ideya [The Russian Idea]. 2006. URL: <http://www.rusidea.org/?a=12015> (accessed: 13.02.15).

Shleev S., svyashch. Edinoverie i ego stoletnee organizatsionnoe sushchestvovanie v Russkoi Tserkvi [Priest. Edinoverie and its centenary organized existence in the Russian Church]. Put' na Golgofu. Dukhovnoe nasledie svyashchennomuchenika Simona, episkopa Okhtenskogo [The road to Calvary. Spiritual legacy of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Ed. N. P. Zimina. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2005a. Vol. 2. P. 103–508.

Shleev S., svyashch. K voprosu: kakoi episkop nuzhen edinoveriyu? [Priest. Answering the question regarding the kind of bishop Edinoverie needs]. Put' na Golgofu. Dukhovnoe nasledie svyashchennomuchenika Simona, episkopa Okhtenskogo [The road to Calvary. Spiritual legacy of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Ed. N. P. Zimina. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2005b. Vol. 2. P. 79–102.

Smirnov V. V. Padenie III Rima [The fall of the third Rome]. Dukhovnye osnovy vozrozhdeniya Russkogo Pravoslavnogo Tsarstva [Spiritual bases for revival of the Russian Orthodox World]. St. Petersburg: Skifiya, 2008. 160 p.

Staroobryadchestvo: Litsa, predmety, sobytiya i simvoly [The Old Belief. Faces, objects, events and symbols]. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya [Experience of the encyclopedia]. Eds. S. G. Vurgaft, I. A. Ushakov. Moscow: Tserkov', 1996. 318 p.

Subbotin N. I. Eshche 15 let sluzheniya Tserkvi bor'boyu s raskolom (moya perepiska s arkhim. Pavlom za 1879–95 gg.) [Another 15 years of church service fighting the schism (my correspondence with the archimandrite Pavel, 1879–1895)]. Moscow: Sinodal'naya tipogr., 1904. 907 p.

Subbotin N. I. O sushchnosti i znachenii raskola v Rossii [On the essence and significance of the schism in Russia]. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1892. 48 p.

Svod deistvuyushchikh postanovlenii o raskol'nikakh [The code of current decrees regarding the schismatics]. B. m., B. g. 17 p.

Tikhomirov L. A. Zakonoproekt o raskol'nikakh [The Bill on schismatics]. Tikhomirov L. A. Rukovodyashchie idei russkoi zhizni [The guiding ideas of Russian life]. Ed. O. A. Platonov. Moscow: In-t rus. tsivilizatsii, 2008. P. 497–500.

Tkachev A., prot. Problema pravoslavno-starobryadcheskogo dialoga [The problem of the Orthodox – Old Believers dialogue]. Pravoslavnoe staroobryadchestvo: informatsionno-analiticheskii sait [The Orthodox Old Believers: information and analytical site]. 2006–2012. URL: <http://www.edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=471> (accessed: 13.02.15).

Tovbin K. M. Russkoe staroobryadchestvo kak otvet na sekularizatsiyu v Rossii [Russian Old Belief as a response to secularization in Russia]. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. 2014. No 4 (65). P. 102–106.

Tyurenkov M. A. 350 let «vroz'»? Vzgl'yad cherez priotkrytuyu katapetasmu [350 years «apart». A glance through half-opened veil of the altar]. *Pravaya.ru*. 2004–2015a. URL: <http://www.pravaya.ru/look/3263> (accessed: 13.02.15).

Tyurenkov M. A. Kredo edinover'tsa [The creed of the Old Believers]. *Pravaya.ru*. 2004–2015b. URL: <http://www.pravaya.ru/column/6885> (accessed: 13.02.15).

Tyurenkov M. A. Pravoslavie, Edinoverie, Staroobryadchestvo [Orthodoxy, Edinoverie and Old Belief]: Vystuplenie na XIV Mezhdunarodnyi Rozhdestvenskikh obrazovatel'nykh chteniyakh (yanvar'-fevral' 2006 g.) [The speech at the 14th international educational Christmas readings (January–February, 2006)]. *Pravaya.ru*. 2004–2015v. URL: <http://pravaya.ru/expertopinion/116/6490> (accessed: 13.02.15).

Tyurenkov M. A. Chto nevozmozhno chelovekam – vozmozhno Bogu [What is impossible for mere humans is possible for God]. *Russkaya narodnaya liniya: informatsionno-analiticheskaya sluzhba* [Russian national line: information and analytical service]. 2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2010/03/26/mihail_tyurenkov_chto_nevozmozhno_chelovekam_vozmozhno_bogu/ (accessed: 13.02.15).

Verkhovskii T., prot. Iskanie staroobryadtsami v XVIII veke zakonnogo arkhieirestva [Archpriest. The Old Believers' search for a legitimate episcopacy in the 18th century]. St. Petersburg: Izd-vo V. Golovina, 1868. 72 p.

Zhmakin V. I., prot. Nachalo edinoveriya (1780–1796) [Archpriest. The beginning of Edinoverie (1780–1796)]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings]. 1900. No 12. P. 979–1004.

Zimina N. P. Zhizneopisanie svyashchennomucheni-ka Simona, episkopa Okhtenskogo [Biography of Simon Martyr, the bishop of Okhta]. Moscow: Izd-vo PSTGU, 2005. 442 p.

Zvezdinskii M. I. Vzgl'yad Filareta mitropolita Moskovskogo na edinoverie i ego otnoshenie k nemu [Perspective of Philaret, the metropolitan of Moscow, on Edinoverie and his attitude towards it]. Moscow: Izd-vo MGU, 1900. 15 p.

Received February 13, 2015

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Товбин Кирилл Михайлович

к. флс. н., доцент
Южно-Сахалинский институт (филиал)
Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова
пр. Победы, 68, Южно-Сахалинск, Россия, 693007
эл. почта: kimito@yandex.ru

CONTRIBUTOR:

Kirill M. Tovbin

Yuzhno-Sakhalinsk Institute, the branch
of Plekhanov Russian University of Economics
68 Pobeda Av., 693007 Yuzhno-Sakhalinsk, Russia
e-mail: kimito@yandex.ru